

Завидую художнику — ему ничего не стоит наглядно показать, как возникал и воплощался в жизнь тот или иной замысел. Достаточно пригласить нас в мастерскую, достать из какого-нибудь укромного уголка запылившиеся листы ватмана, и перед нами пройдет весь путь картины — от робких попыток, поисков типов и характеров до объединения всего в общую композицию.

Насколько труднее сделать это литератору, у которого обычно не сохраняются даже черновики, и вся работа проходит подспудно. И если уж решиться поговорить о своей работе над песней, подумать над этим вслух, оказываешься перед полной невозможностью обойтись без употребления местоимения «я», «мой», которые, поверьте, не свойственны автору этой беседы.

Речь пойдет о едва ли не самом массовом и общедоступном поэтическом жанре, соединяющемся настолько органично и нерасторжимо с музыкой, что всю славу и бесславие, все удачи и неудачи каждой песни поэт и композитор должны делить поровну. Я говорю о самом дорогом для меня жанре, который принято почему-то относить к малым и легким, но без которого невозможно представить себе жизнь.

Итак, с чего начинается песня? У каждой — маленькая предыстория. Поэт обязан отдать ей часть жизни, если хотите, сердца, чтобы она имела право претендовать на внимание слушателей.

Чего греха таить, у меня есть достаточное количество песен проходных, средних, неудавшихся, без вести канувших. И если строго спросить себя и держать ответ перед собой, то на поверку окажется, что чаще всего такие песни не имеют глубоких корней.

Судьба песни решается в тот момент, когда она уходит из рук ее авторов. Слушатели песни являются той высшей инстанцией, чей приговор окончателен и обжалованию не подлежит.

Я знаю, что Михаил Светлов, создавая замечательные песни, среди которых была и прославленная «Каховка», всегда напевал, мурлыкал их на какой-то свой мотив. Это может показаться смешным, но и я всегда придумываю свою, пусть примитивную и самодельную мелодию, и сажусь за рояль, и повторяю песню много раз, чтобы удостовериться, что каждое слово в ней поется. Мелодия должна жить где-то внутри стихотворных строк.

Так было и тогда, когда мы писали с И. Дунаевским «Школьный вальс».

Но тут мне придется сделать небольшое отступление. В детстве я учился в Ворошиловграде. У нас была учительница русского языка и литературы Мария Семеновна Тодорова. Каждый ее урок становился для нас маленьким праздником. Но она была не только незаурядным педагогом. Когда это стало необходимым, в годы войны, она сама поступила так, как это сделали бы самые отважные герои книг, по которым она нас учила. Эта маленькая, совсем невоинственная женщина стала разведчицей и связной партизанского подполья. Вот

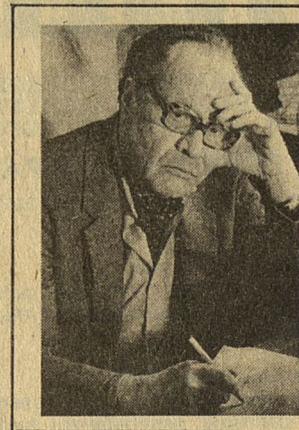
она какая, учительница первая моя, которой я посвятил строки («Школьного вальса»).

Песня требует хрестоматийной простоты, акварельности всех красок, соразмерности частей, полной естественности и непосредственности. Я ценю в песнях свойство, которое для себя назвал бы несочиненностью. Как это выразить поточнее? Идеальными считаю песни, в которых поэт и композитор словно бы отсутствуют: сделав свое дело, незаметно отходят на второй план. Но такая легкость дается только трудом. Снова и снова сотни раз возвращаешься к одной фразе, веря, что эта кропотливая работа вознаградится в тот момент, когда строки зазвучат и станут песнями.

Очень важно, я бы сказал, решающе важно, найти какую-то одну главную, опорную строку, которая могла

было жилье. Мне хотелось вместе с композитором признать в любви к этой земле.

Вы, наверное, обратили внимание на то, что в этой песне нет ни слова о борьбе за мир, но люди, представляющие разные страны и говорящие на разных языках, встречаясь вместе, поют ее как песню о мире. Каждый в это время думает о своем, об очаровании вечеров своих родных мест, и это чувство объединяет их. Мне было особенно радостно встречаться с «Подмосковными вечерами» и на знойных, не остывающих даже по ночам улицах Конакри, и в трагическом городе Хиросиме, и в домах наших друзей на Филиппинских островах. Может ли быть выше награда для авторов песни, чем повстречать ее в дальней дороге, в незнакомом городе, за тридевять земель от родного дома?!

О ЛЮБИМОМ ЖАНРЕ

Сегодняшнюю вечернюю беседу ведет
лауреат Государственной премии СССР поэт
Михаил Львович МАТУСОВСКИЙ.

бы стать ключевой для всего песенного стихотворения. Речь идет о самом сердце песни. Это может прийти или не прийти, но без этого песни не состоится.

Когда оказались найденными строки «Самое синее в мире, Черное море мое», или: «Была бы только Родина богатой и счастливою, а выше счастья Родины нет в мире ничего», или: «Недаром люди говорят: солдат всегда солдат», или: «Ведь порою и молчание нам понятней всяких слов», — я уже надеялся, что песня может получиться. Усиленные музыкой или, как любил говорить Михаил Исаковский, поддержанные крыльями музыки, эти строки должны были получить свое новое существование на правах песни.

Конечно, я не думал об этом так гладко, когда писал для В. Соловьева-Седого стихи о подмосковных вечерах. Я очень люблю Подмосковье с его тихими, почти неподвижными реками, с прохладными лесами и запоевными местами. Я видел подмосковную землю зимой 41-го года — и заколоченные окна дач, и мертвую фашистскую технику, завязшую в снегу, и обгорелые трубы, по которым можно было догадаться, что когда-то здесь

Порой получаю записки на встречах с читателями с просьбой рассказать о том, как рождается песня: сочиняется ли раньше мелодия и к ней приспособляются слова — у музыкантов это называется по-всякому: и подтекстовкой, и «колодкой», и даже «рыбой», — или же сперва пишутся стихи, а уж потом композитор перекладывает их на музыку? Я не вправе говорить от имени всех поэтов, работающих в песенном жанре, но лично предпочитаю второй способ.

Несколько раз проявлял слабость и соглашался писать на готовую музыку. Обычно результаты оказывались плачевными.

Есть у меня песни, не выдуманные за письменным столом, а продиктованные самой жизнью.

Если бы мне не пришлось служить в газете 2-го Белорусского фронта и во время командировки услышать поразивший меня рассказ о битве восемнадцати воинов вблизи поселка Бетлица, я никогда бы не смог написать вместе с композитором В. Баснером песню «На Безымянной высоте». В данном случае война сама подсказала тему, и мне оставалось только честно рас-

сказать о том, что происходило на той самой «огненной черте».

Горжусь тем, что в глубине Калужской области, совсем рядом с деревней Рубеженка, есть памятник. На его граните вы прочтете имена защитников высоты 225,1 — шестнадцать имен во главе с младшим лейтенантом Евгением Порошиным. Там есть и сгоревшая сосна, и землянка в три наката, а внутри ее на металле выбиты строки, когда-то написанные мною на обычном листке бумаги:

Мы не забудем, не забудем
Атаки яростные те,
У незнакомого поселка,
На Безымянной высоте.

Песню сложить нелегко, как справедливо заметил один поэт. Но еще труднее сделать это, если знаешь, что песня твоя предназначена для кинокартины.

Мне неоднократно приходилось писать для фильмов разного характера — комедийных и драматических, многосерийных лент и короткометражных, художественных и документальных, — и каждый раз испытывал волнение, приступая к новой работе, будто предстояло мне это делать впервые. Хорошо понимал, что и автор сценария, и постановщик, и актеры, и операторы ждут от меня, чтобы я помог в решении главного замысла фильма, чтобы каждая строка песни работала на фильм.

Режиссер Владимир Басов, снимавший на «Мосфильме» картину «Щит и меч», поставил точную, но нелегкую задачу. Песня должна говорить о том, ради чего идет на все испытания и каждодневный риск герой. Ей надлежит звучать в самых узловых, решающих эпизодах, но по настроению она должна быть негромкой и сдержанной, как строг и сдержан характер человека, о котором рассказывал фильм.

Мы решили написать песню-размышление, песню-раздумье, которая как бы звучит в душе этого человека даже тогда, когда он петь ее не может. В кинематографе это принято называть внутренним монологом героя.

Так возникла песня «С чего начинается Родина?», которую прекрасно спел в картине Марк Бернес. Вообще и композитор, и я обязаны воздать должное талантливым артистам, от первого исполнения которых во многом зависит судьба песни. С таким пониманием самой сути песни пели Утесов, Шульженко, Бернес, Бунчиков, Нечаяев. Как проникновенно и значительно поет сегодня Кобзон! Я очень дорожу песнями последних лет, прозвучавшими в разных фильмах. Здесь и «Березовый сок», и романс из «Дней Турбиных», и песня о Победе, «Как, скажи, тебя зовут»...

Идут годы. В соответствии с известной пословицей временами появляются и звучат новые песни. Одни песни устаревают, другие продолжают свое существование. Я живу на свете с заветной мечтой: сложить хотя бы еще одну песню — такую, которая получила бы одобрение и признание наших слушателей, ради которых и создаются песни.

Фото ТАСС.

Вех Москва, 1984, 2 Заб., 1195